После перелома российской жизни в 1991-1993 годах отечественная литература как-то неуловимо стала отодвигаться от того главного, что составляло практически всегда её стержень – от нравственного выбора, который пронизывал главные сцены произведения и окрашивал действия героев сюжета. Вернее, в литературе нынешней образовалась некая территория, на которой названный лейтмотив негласно признавался совершенно не обязательным или даже порой предосудительным.

Прежде и беллетристика, подавая жизненные проблемы в несколько облегчённом содержательном варианте, не посягала на эту доминанту – во многом потому, что общественное сознание советской эпохи в первую очередь было пронизано необходимостью делать такой выбор постоянно. Но теперь и легковесное чтиво, и опусы, претендующие на интеллектуализм (наверное, оглядываясь на пример западной литературной практики), взяли за обыкновение уходить от этой проблемы, полагая, что человек «шире» подобной ценностной «одномерности», он – амбивалентен, и потому постижение человеческой натуры нуждается в беспристрастной картине всех его свойств – как ранее бесспорно положительных, так и отрицательных. Сегодня весьма часто эти свойства рассматриваются в качестве равновесных и равно окрашенных «примет современника». Нет нужды говорить специально, что такая нивелировка душевных качеств и склонностей имеет сугубо демоническую специфику в контексте известной фразы о том, что самая большая задача дьявола заключается в том, чтобы убедить человека, что искусителя на самом деле – нет…

На этом фоне, безусловно, осталась в своих духовных берегах русская литература традиционного звучания, для которой нравственные акценты в диалоге литературного героя и окружающего мира никуда не делись, не исчезли и не переменили свой знак – но только обрели дополнительные нюансы и оттенки, которые учитывают предметы и «воздух» наступившего времени. Так прежде относительно целостная отечественная литература разделилась на две части: либеральную, коей сам чёрт не брат и море по колено, – и русскую, в духовном отношении глубоко традиционную, в которой вполне могут быть какие-либо новации в интонационном строе и повадках персонажей, однако

Пока есть настоящие люди

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Герой современной русской литературы

связь со старыми временами в самых главных определениях здесь по-прежнему незыблема.

Последнее качество в современном российском обществе остаётся не только живым и исключительно важным в некоем философском плане, но и по-настоящему реальным – в связи с тем, что оно, по сути, есть инструмент идентификации русского человека и основание для, наверное, самого общего соображения: Россия сегодня существует потому, что есть русский человек.

Между тем современная жизнь предстаёт перед нами в путанице проблем и их решений, и здесь можно говорить о многочисленных и совершенно разнообразных вещах. Жизненный поток, кажется, в принципе не может содержать установлений, которые регламентируют его течение и так или иначе сужают присущую ему многовекторность. Подобная логика пронизывает все либеральные сочинения, и в них есть одна фундаментальная особенность: во главу угла поставлена *жизнь как таковая*.

Заметим, весь минувший век и начало нового тысячелетия знаменательны широчайшим применением понятия *бытие*. Оно как бы накрывает бурлящий хаос собственно *жизни*, проходит его насквозь и проявляет самые главные черты действительности. Притом – обнажая в их содержании характеристики духовного и нравственного свойства. Мы ищем смысл в ежесекундно происходящем, и в том проявляется скрытая задача мистической, или, говоря языком Церкви, таинственной природы человека, который не может жить без идеала. В противном случае он будет с течением лет терять всё более и более важные душевные качества, которые ранее делали его дорогим для иных людей. Так падает листва с засыхающего дерева…

Вот почему сухая ветка сегодняшней либеральной литературы обходится без нравственных координат в изображении своих героев. Она уже мертва, хотя пытается уверить читателя в своём буйном цветении. Но это – искусственные цветы с характерным шуршанием бумаги и дребезгом тонкого крашенного пластика.

Обращая взгляд на страницы книг, в которых жизнь находится в тесном взаимодействии с бытием, стоит особенно сосредоточить внимание на преломлении в *житейском* известной православной фразы о том, что наказание не есть воздаяние за предшествующий неподобающий поступок, но только – его следствие, и не более того.

Может показаться, что речь в таком случае идёт о сугубо дидактических произведениях, в которых затаённая работа сердца и ума подменяется умело выстроенным пафосом. Однако художественная литература обладает огромной степенью свободы в выборе сюжета и построении интонации повествования, в создании облика сложного героя, в душевных тайниках которого не изгладились родовые и христианские понятия о добре и зле, благодарности и беспамятстве, верности и вероломстве.

В качестве ближайшего литературного примера можно упомянуть прозу Камиля Зиганшина (Уфа) и Михаила Тарковского (Красноярский край) о животных. В уже давние времена сюжеты о домашних и диких зверях показывали читателю искренность и неизменяемость чувств наших меньших братьев.

У Зиганшина мы погружаемся во внутренний мир самой природы в отсутствие человека – и видим чёрствый и властный эгоцентрический уклад волка, который отошёл от интуитивно понимаемого принципа равновесия всего и вся в живом окоёме. Сопоставление с человеком здесь возможно только на

О вечности поющий...

Эдуард АНАШКИН

Высокая поэзия Николая Коновского

Присутствие в современной русской поэзии Николая Коновского можно сравнивать с присутствием воздуха – незаметен, но при этом незаменим. Никакого, столь часто свойственного поэтам индивидуализма «ячества», неизбежно проникающего в стихи, у Николая Коновского вы не встретите, даже не трудитесь искать. Сложно не согласиться с теми нашими писателями-современниками, которые характеризуют творчество этого поэта таким образом:

«Автор как бы тушует свою индивидуальность, выдвигая на первый план глас самой жизни, голос сияющей природы. Несомненно, на работу и стиль Николая Коновского решающее влияние оказал Тютчев. Зрительный и музыкальный ряд тяготеют к обобщению, более метафизическому, чем конкретно – философскому» – это мнение о творчестве Николая Коновского нашего выдающегося и, к великому сожалению, уже покойного поэта-классика Владимира Кострова. Добавить к этому можно и нужно слова Игоря Крохина: «Ёмкие, раздумчиво-неторопливые стихи. Чувствуется – выношено душою, не вскользь, не крикливо, не вычурно. Простота и ясность, чистый разговорный язык – многие ли так ныне работают в слове?..». С этими определениями перекликается мнение известной поэтессы Натальи Егоровой: «Николай Коновской – поэт сокровенный. Не только потому, что тихо и прикровенно существует в русской литературе, не привлекая к себе лишнего внимания, не предпринимая никаких пиар-компаний в пользу собственной поэзии – сокровенно, несказанно прежде всего то, о чем он пишет. Его глубокие неторопливые смыслы прорываются в слова, будоражат восприятие читателя, заставляя его смотреть на мир глазами поэта, и вместе с тем как бы остаются за гранью слова – вот-вот, и скажется нечто удивительное и неизвестное – но нет, глубинное, сокровенное так и остается не сказанным».

Мысль, что поэзия Николая Коновского глубинно близка философской поэзии Тютчева, очень точна. Ведь именно Федору Ивановичу Тютчеву принадлежит гениальная мысль-прозрение о том, что «мысль изреченная есть ложь». И Николай Коновской своим творчеством доказывает, что поэзия заключена не только в слове, как бы ни был божественно высок статус слова. Поэзия вокруг нас, растворенная во всем, будь то пение птиц, звуки дождя или журчание реки:

Струит небесная река
Медлительные волны –
Плывут по небу облака,
Причудливо-безмолвны, –
Приснившиеся сердцу сны,
Игра воображения, –
В водах речных отражены
Почти без искаженья.
И видится, как одинок,
Душе пустынной сродный, –
Недвижной точкою челнок
Застыл на зыби водной,
Как лебедь дивный с высоты,
Где вечность торжествует,
Две бездны – неба и воды –
Своим крылом связует.
И мир, просвеченный до дна, –
Как затаил дыханье:
Так полнозвучна тишина!
Так глубоко молчанье!

Читаешь стихи Коновского и ясно понимаешь, что, может, река или дождь в гораздо большей степени являются поэтами, чем даже самые талантливые поэты?.. Ведь они доносят красоту Божьего мира, не искажая её своим «индивидуальным» восприятием этого мира, столь свойственным человеку. А человек подобен этому одинокому челноку, которому очень порой нелишне остановиться на речной глади и побыть наедине с миром, с небом, с собой… Поэтами являются река, дождь, звезды, потому что они – часть мира, созданного Творцом, в отличие, от человека, что перестал быть частью мироздания в силу своего первого грехопадения и изгнания из Божьего рая. Но первое грехопадение, вызванное любопытством и презрением Божьего запрета, разве оказалось последним? Грехопадения человека и человечества продолжается веками, отчего и происходят в мире войны и катаклизмы. А наряду с войнами происходит не менее страшное явление, к которому мы все привыкли стремиться и почитать его за счастье. А между тем оно похлеще войны, хотя с виду мирное. Ведь война обнажает во времена испытаний на духовную и душевную прочность нашу изначальную божественную и забытую в погоне за призраками сущность. Это «хорошее» явление, что на поверку оказывается пострашнее и похлеще войны, называется цивилизация, или ещё прогресс. Не зря святые отцы предрекают: чем более развит прогресс, тем ближе человечество к эпохе Апокалипсиса!

Зимы хоронят живьём…
Плохо с тобой мы живём,
Каясь и тяжко греша,
Близкая сердцу душа.
Сердце сквозь стужу неся,
Вижу – озябла ты вся
В лютой пурге забытья,
Смертная радость моя…
Боль мою – с сердца сними.
На вот, с ладони возьми
Этот – к тебе на ладонь
Перелетевший огонь!..

Николай Коновской напоминает нам, что, по счастью, живо ещё чувство святости в мире, если человечество способно не только грешить, но и каяться. Что у него есть шанс согреть и оживить душу покаянной исповедью не только перед Богом, но и перед тем ближними своими. Хотя цивилизация и прогресс (снова вспомню о них!) словно бы задались одной целью – разрушить между людьми эту божественно доверительную нить ощущения единства, родства. Цивилизация и прогресс живут по принципу «разделяй и властвуй». Разделяй людей, нации, страны… И неважно, под какими лозунгами! Разделяй глобально! Потому что лишь таким образом, лишив людей изначальной соборности, можно расчеловечить человека…

Буйствуют грозы,
сгибая живое в дугу
В дерзостной силе!..
Но на прибрежном уже,
на медвяном лугу –
Травы скосили.
В ручке извилистой –
воды острее ножа!..
Как ни таилась,
Но обнажилась
пред вечностью Божьей – душа,
Даль обнажилась.
Колокол где-то очнулся,
наполнил объём –
Медленным боем…
И на усталое тело
не пышущим веет огнём –
Влажным покоем!..

Стихотворения Николая Коновского надо принимать, как лекарство от «одиночества в толпе» всем жителям больших городов. Годами и десятилетиями горожане живут вроде бы среди людей, но при этом чаще всего и безысходнее всего ощущают себя одинокими. Эта толпа лишь подмена качества душевного неспешного общения между людьми количеством общения суррогатного, искусственного. В стихах Николая Коновского читатель может побыть сам с собой, подумать о вещах, которые в силу суеты и спешки остаются годами без его внимания. Может – опять-таки! – помолчать, ведь молчание не только красноречивее красивых словес, оно содержит в себе высокую поэзию, призванную к общению душ.

Тает свеча восковая.
Прячется в тучи звезда.
Ветер шумит, не смолкая.
Старая дача – пуста.
Летние коротки ночи:
Вспыхнули – не уследишь!
Дождик о чем-то лопочет,
Ты что-то мне говоришь.
Сонного бора вещанье.
Птицы рассерженной крик…
Кто-то сказал, что молчанье
Будущей жизни язык.
Даже не слушая, слышу…
Может быть, это – любовь,
Что созерцания выше,
И разуменья, и слов?..

Останавливает и заставляет задуматься эта мысль: «Кто-то сказал, что молчанье – будущей жизни язык». Как-то не очень я верю в то, что однажды говорливое человечество перестанет болтать без умолку, роняя словеса налево и направо. Остановить этот захлестнувший современность поток речи способно, наверное, лишь какое-то страшное испытание, которое предрекал великий Тютчев: *«Все сущее опять покроют воды, / И Божий лик отобразится в них»*. Может хоть тогда оставшееся в живых после катаклизма человечество примолкнет, если вообще останется жить на земле? Да простит меня читатель за такой пессимизм, но эпоху Апокалипсиса никто не отменял и, судя по тому, что видишь вокруг, мы к ней идём семимильными шагами.

Быстрая Зуша река.
Медленные облака.
Влажно трепещут листы
Ивы – у самой воды.
Не оставляя следа,
Чистая эта вода
Светится – обнажена
До каменистого дна.
До изможденья вплоть
Разгоряченную плоть –
С плотью прохладною слить! –
Плыть по раке бы да плыть.
Видеть касаток игру,
Сонно ласкающих струй
Чувствовать каждый извив,
Всё в этом мире забыв.

Николай Коновской очень своевременный поэт. И потому – современный! Казалось бы, его стихи несюжетны, немногословны. Но они словно бы говорят читателю безо всякого осуждения и назидания: «Остановись, человек! Оглядись! Почувствуй, как прекрасен мир, созданный Творцом. Ощути себя без слов частью этого мира. Не хозяином, который «не вправе ждать милостей от природы», а частью этой природы. И сделай это не только в желанные часы рыбалки или дачного отдыха. А ведь ты туда сбегаешь, чтобы спастись не только от суеты, но и от себя самого»…

Я давней нашей тайны не нарушу,
Но в сердце грустный
свиток разовью
Того, как ты младенческую душу
Мне без остатка вверила свою.
Проходит жизнь:
мелькают дни и даты,
Кладут на всё забвения печать…
Но помню дар твой,
помню, что когда-то
Мне за него придётся отвечать.

Мы ответственны друг за друга не только с материальной точки зрения – вот о чём напоминает нам поэт Николай Коновской. Мы ответственны за то, что позволили себе затемнить чью то веру в людей, в Божью справедливость. За то, что мы (может, и не желая плохого, а в силу нехватки времени, сил, душевности) убили во взрослом человеке – в себе или в другом – чистоту ребенка, который непременно должен жить в каждом из нас. Так непременно должно жить в человечестве воспоминание о Рае, откуда когда-то мы были изгнаны. Пока это воспоминание о Рае живёт в нас, мы – люди, а не просто налогоплательщики!

Угасни, день, продлись, покой и дума.
Ещё сквозит дыхание грозы
В сыром просторе…
Но тихи, угрюмы –
Подворья, избы, грузные возы.
Туманный огнь –
знак неисповедимый –
Разлился над пустынным лоном вод,
И явлен в нём –
слепой, неотвратимый,
Удержанный до времени исход…
Какой любовью этот сад попущен –
С дурманом лип, со стоном забытья;
Сей южный ветр,
о вечности поющий, –
Простой, как голубь,
мудрый, как змея!

Совершенная несуетность и какая-то библейская простота – вот что поражает даже искушённого, может, *именно* искушённого читателя в поэзии Николая Коновского. А ещё удивительное приятие мира и всего того, что этому миру суждено свыше. Какое-то почти родственное отношение к рекам, грозам, старинному саду, ветру… Это просто феномен – такая несовременная прозрачность поэзии в эпоху засилья суетливых крикливых стихов, старательно позиционирующих себя как поэзия современная, экспериментальная, актуальная, «быстрого реагирования» и так далее… Но читатель искушённый, конечно же, предпочтёт всем этим рифмованным выкрикам стихи Коновского. Так нормальный человек предпочтёт чистую родниковую воду из глубин родной земли шипучему и приторно сладенькому напитку: ведь родниковая вода создана Творцом. А модная шипучка состряпана людьми… А потому и я предпочту грозовую свежесть новомодным ионизаторам и очистителям воздуха, предпочту сдержанно неспешную поэзию Николая Коновского утомительно многословным стихам, что издаются в наше время в ужасающем количестве. Ну а кто пока не способен понять сердцем поэзии простоты и молчаливости, обречён лишь мечтать о согласии с самим собой…

Каждый раз бывая на службе в старинном храме села Высокое в Самарской области, я понимаю: несмотря на большое скопление прихожан, творящих во время службы общую молитву, я предстою перед Творцом один на один… Словно бы читаю в тряском автобусе на пути из храма книгу Николая Коновского. Поэта, который в эпоху суеты поёт нам о вечности.

Самарская область

«Русская дорога в поле золотом...»

Любовь РЫЖКОВА

О поэзии Александра Ананичева

Когда человек берёт в руки гитару и начинает петь, я сразу внутренне съёживаюсь, потому что боюсь, что сейчас услышу два-три банальных аккорда, неумелую игру и самое главное – попытку скрыть за непрофессиональным бренчанием безграмотный текст. Я очень настороженно отношусь к бардам и авторам-исполнителям. Сколько их таких – претенциозных «анахоретов» слоняется в поисках слушателей или, как сейчас говорят, свободных ушей. Согласитесь, за громкостью гитарных аккордов легко скрыть поэтическую бесталанность, творческую немощь и отсутствие вкуса.

Но услышав исполнение Александра Ананичева, я сразу успокоилась. Потом напряглась. И наконец, стала со вниманием вслушиваться в текст. Признаюсь: раньше я не читала его стихов и не слышала его песен. И потому его творчество стало для меня радостным открытием. Дома я открыла подаренную Александром книгу «Неузнанные песни» (Сергиев Посад: Ремарко, 2020. – 308 с.) и погрузилась в его мир… Сразу скажу: в книге стихи расположены в хронологическом порядке, что очень важно для понимания творчества поэта, попытки увидеть его рост, эволюцию, движение по пути вверх или наоборот, отметить его нисхождение. Бывает и такое.

…По мере прочтения постепенно стали вырисовываться предпочтительные автором темы, выбираемые им средства выразительности, любимые виды строф, художественные приёмы, и на всём этом фоне стало проявляться лицо поэта или скажем более корректно: характер его лирического героя.

«Упованье на русское солнце»

В творчестве Александра Ананичева прочное место заняла гражданская лирика, что нашло отражение в таких стихотворениях, как: «Наёмник», «Пограничная», «Ветеранам», «Дыханье войны», «Новая Голгофа» и многих других. В стихотворении «Наёмник» читаем:

И кто поссорил нас? Прибить бы эту суку,
Мечтающую только об одном,
Что мы в бою слепом когда-нибудь друг другу
Из ненависти глотки разорвём.

Сейчас, когда сатанинские силы вновь сталкивают на военной арене родственные народы, это стихотворение звучит особенно актуально. В стихотворении «Ветеранам» остро и пронзительно звучат строки, обращённые к тем, кто не ценит подвиг ветеранов Великой Отечественной войны:

Они спасли от Гитлера Москву,
А вы её Иуде предаёте.

Ужели такое возможно? Увы… Хотя ещё лет десять-пятнадцать тому назад трудно было представить подобное, но в эпоху перевёрнутых ценностей появились те, которые пытаются пересмотреть итоги и значение Великой Отечественной и Второй мировой войны. И не только пытаются, но нагло навязывают всему миру своё лживое и опасное мнение.

Актуально звучит и стихотворение «Родня», повествующее как будто бы о разногласиях в отдельно взятой семье («Развела нас лихая пора…»), но это – свидетельство раздрая, отхода от исконных родовых традиций, прежде всего, в обществе. Семья – лишь его маленький, но очень показательный срез. Вот как он пишет:

Под иконы нечистый пролез:
Зять – католик, свояк – экстрасенс,
У сестры – белой-белой, как снег, –
Подрастает сынок Джанибек.

Да, этот разлад – отражение тех процессов, что происходят в нашем больном социуме.

Остро переживает автор и крушение Советского Союза, когда несколько человек буквально росчерком пера перекроили огромную страну, «Разодрали чернильными перьями / Золотые одежды её». Это строки из стихотворения 2007 года «Пограничный приказ», где по лирическому сюжету офицер вроде бы буднично приказывает пограничникам выступить на защиту границ родной страны, но теперь уже называемой не Советским Союзом, однако он не может называть её по-другому:

И он выдохнул
скупо и резко –
Даже вдруг
приосанился весь:
«На охрану
Союза Советских…»
И солдаты ответили:
«Есть!».

В ряду гражданской лирики заметно полное символики стихотворение «Мёртвый лев», где прочитывается державный образ Сталина:

Зачем вы шумите на мёртвого льва?!
От вашего ора гудит голова.
Иль время настало, трусливая рать,
Что можно уснувшего льва попинать…

И далее:

Не вой, либеральная сука, не вой!
Сберёг он страну во Второй мировой…
Чтоб ты был свободой чужой не убит,
Над Родиной ядерный вывесил щит.

Александр Ананичев остро ощущает современность, не жалует либерально-разрушительные перемены, критикует безнравственную и опустошительную роль телевидения и печатных СМИ; он видит угрозы со всех сторон и считает, что идёт война по всем направлениям – происходит расслоение народа, искажается язык, люди враждуют, общество деградирует:

Моё Отечество – во мгле.
В надёжной корчится петле.
В тугих объятиях петли
Деревни, города, кремли.

В 2010 году за всей этой «скорбью чёрных лет» он порою не видел выхода, впадал в пессимизм, но душа не желала мириться с этим, и он убеждал себя:

Опять весна. И соловьи уже…
И всё вокруг душисто притомилось.
В такие дни мерещится душе,
Что ничего с Россией не случилось.

Что мы не выживаем, а живём
Под русским небом, близким и белёсым,
Чужой пастух не щёлкает кнутом
Над нами, как над жертвой безголосой…

Страдает Русь. Глаза её чумны,
А соловьи безумствуют на воле.
С восточной нет спасенья стороны,
А с западной – тем более, тем боле…

В эпоху глобализма, когда цивилизационный кризис уже разворачивается на наших глазах, когда практически с «чужого пастуха» сорваны маски, и планетарно-цифровые бури, по словам поэта, «всё живое грозят погубить», он так желает остаться честным и порядочным человеком, сохранив при этом бодрость духа, позитивный настрой, умение радоваться жизни и общение с друзьями, несмотря на то, что «так немного знакомых осталось, с кем желание есть говорить», «с кем дружить – не глухая работа, не обязанность или вина». Это строчки из стихотворения «В этом мире глобальные бури…». Дело в том, что поэт очень обеспокоен сегодняшней ситуацией полномасштабного цивилизационного кризиса, где России отведена особая роль:

То, что нынче зовётся «Россия» –
Так же зыбко, как наша судьба.

Но в любом случае он верит в счастливую судьбу Отечества, ведь им, как и всеми трезвомыслящими людьми, руководит «Упованье на русское солнце, / Что должно на Востоке взойти».

Гражданская лирика поэта многопланова и, конечно, главное в ней – русская тема, судьба России.

«Русская дорога в поле золотом…»

Русская тема так или иначе прорывается в стихах Александра Ананичева, а иногда не просто прорывается, но становится главной, задаёт тон, диктует свои правила и подчиняет авторскую волю. Это естественно для русского человека, обеспокоенного судьбой Отечества. Вот он пишет:

Тот богат, кто многого не просит,
Чьё наследство – ветер да ветла…
Русскому была бы только осень
Да с ледком из проруби вода.

Да, это так, русский человек действительно многого не просит, можно сказать, он вообще ни у кого ничего не просит, зато ему много дано самой природой и судьбой – от богатого внутреннего мира и широкой, всемирной души до неохватности просторов страны.

Русская тема звучит в стихотворении «По дороге в Америку», которое будто бы повествует о другом, но вот читаем строфу-признание:

И я уже затосковал,
Когда вошёл в чужой вокзал,
Когда представил Русь на дальнем берегу…
Не встреть меня ирландка Кэт –
Ей Афанасий дорог Фет –
Вечерним рейсом я б отправился в Москву.

В стихотворении «Русские реки» он снова признавался: